

КНИГА ЗА КНИГОЙ

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

**«ЛЕТО Я ПРОВЕЛА
ХОРОШО...»**

Рассказ

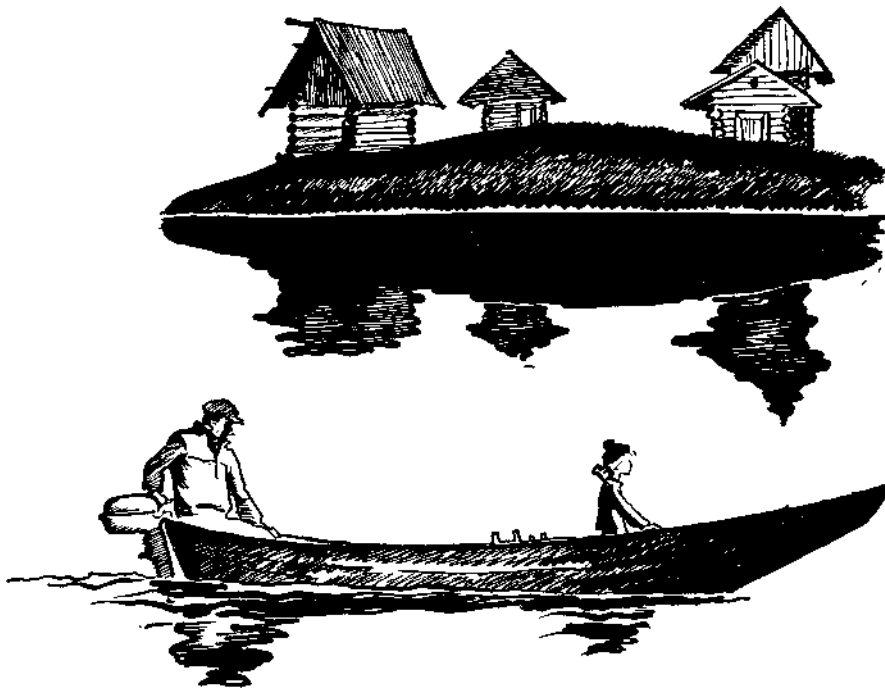
Москва

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1986

Рисунки Е. Мешкова

Книга предоставлена Стенли Ходжсоном (Stanley Hodgson)
OCR: 21.02.03 Александр Крупин <http://home.freeuk.com/russica2>
Библиотека Вадима Ершова

Эта история о том, как очень простая собака изменила характеры и судьбы двух людей. Девочка стала взрослей и уверенней в себе. А мужчина — добрее, тише, мягче.

Почти всё в этой истории кончается хорошо.

* * *

Жучка была беспородной собакой, как её мать и отец, как дед, прадед, как все её предки. В городах теперь таких собак почти не осталось, а в деревне их сколько хочешь.

Больше всего Жучка была похожа на немецкую овчарку, но ростом она явно не вышла. От этого туловище её казалось слишком длинным, и уши, вместо того чтоб стоять острыми клинышками, висели, как два серых флажка в безветрие, и хвост загибался каким-то странным и неловким полу кренделем.

Жучке было три года от роду. Добрый хозяин не держал её на привязи, а разрешал бегать где вздумается. И Жучка бегала по деревне, по берегу огромного северного озера, усеянному округлыми серыми валунами. Но чаще всего она лежала около дома, потому что собаки не так уж и любят беготню и волю, как это иногда кажется. После цепи они действительно носятся как угорелые. А свободная собака ведёт себя вполне спокойно.

В деревне, где жила Жучка, народу было немного. Она всех знала хорошо — по виду, по запаху, но любила только своего хозяина, как и положено собаке. Хозяин её промышлял рыбацким делом. На большом моторном карбасе рыбаки уходили в озеро. Но не далеко — обычно метров на сто от

берега. И Жучка, стоя на крохотной пристани, могла видеть, как хозяин и другие мужчины, низко перегибаясь за борт, возятся в рябой, посверкивающей воде. Потом карбас уходил налево, за лесистый мыс, и стук его мотора пропадал.

Жучка не знала, что километров за семь отсюда есть большая деревня. Там много домов, людей, правление рыбартели и склад.

Самый улов Жучка почти никогда не видела: рыбаки, проверив сети, сразу увозили свою добычу на склад. И часто бывало так, что хозяин по нескольку дней проводил в большой деревне, когда нужно было идти на промысел далеко в глубь озера, где, считай, уж и берегов не видно. Или просто ему хотелось побыть на людях, посмотреть телевизор, да мало ли что...

Однако Жучка ничего такого, конечно, знать не могла. Она просто привыкла, что хозяина по нескольку дней нет, привыкла питаться чем бог пошлёт, а вернее сказать, что удастся стащить.

По хозяину она скучала, но не так уж сильно. Потому что и он к ней относился серёдка-наполовинку. Бить не бил, но и жалел не особенно. Просто как бы разрешал жить под крыльцом своего дома и давал иногда поесть. Но Жучка и за это была ему благодарна. Во время его отлучек она выходила на пристань и смотрела в ту сторону, где был лесистый мыс и откуда обычно появлялась хозяйская лодка. Она почти всегда угадывала, когда он должен вернуться, и не скучала на пристани слишком долго.

Этим своим сидением на пристани Жучка выделялась среди других деревенских собак. Её хвалили, называли умной и преданной. И хозяин бывал доволен. Возвращаясь, знал, что Жучка его ждёт, издали ещё звал её по имени и доставал из кармана гостинец: пряник или кусок колбасы.

Так и жила на свете неказистая Жучка — в меру сообразительная и хитрая, в меру лопухая. Жила голодной и вольной жизнью полубеспризорной собаки. Ничего особенного в Жучке не было, и ничего необычного в жизни её не предвиделось. Но тут в деревню, где она жила, приехала Саша...

* * *

Это случилось в то хорошее и весёлое время, когда листья и трава стали большими, а солнце горело ярко днём и ночью, не давая ни на минуту уснуть небу. Мы бы с вами сказали, что наступило северное лето, а Жучка просто радовалась тёплой земле, тёплым камням и брёвнам. Летом и еды бывало больше...

Однажды в конце дня, когда солнце тяжёлой каплей сползло поближе к зубчатой стене леса, из-за мыска вышла лодка. Жучка узнала её, и через секунду низко над водою до неё долетел знакомый треск мотора. Она привычно прижала уши и завиляла хвостом. Лодка подошла немного ближе, и тогда Жучка сумела разглядеть, что рядом с хозяином сидит ещё кто-то незнакомый.

Наконец Жучка поняла, что это девочка. За три года жизни она видела девочек и могла отличить девочку от мальчика, девочку от взрослой женщины. В общем, можно сказать, что она была довольно опытная собака!..

А девочка — мы знаем уже, её звали Саша — с удивлённой улыбкой разглядывала собаку, которая приплясывала, притопывала передними лапами, мотала мордой и виляла хвостом.

— Это моя собака,— сказал Рыбак.— Видишь, как встречает!

Рыбак помог Саше выйти из лодки, повёл её вверх по деревенской улице. А Жучка, удивлённая, трусила сзади, приглядывалась и принюхивалась к незнакомке.

Жучка заметила, что не только она интересовалась новой девочкой. Из окон изб высовывались женщины — молодые и старые, чуть не вся деревня! Глядя на незнакомку, они что-то спрашивали у Рыбака ласковыми голосами.

А Рыбак говорил в ответ весёлым и важным голосом.

— Эй, Толя! Кого ж ты привёз к нам? — спрашивали женщины.

— Да веду вот Ильиничне внучку. Погостить, — отвечал Рыбак.

— Здравствуйте! — тихо говорила всем Саша.

В городе, откуда она приехала, со встречными не здороваются — слишком уж много там людей. А в деревне надо здороваться со всеми. Так сказала ей мама.

Саша, Рыбак и Жучка дошли почти до самого Рыбакова дома. И тут навстречу им выбежала знакомая Жучке старуха — высокая и строгая. Но сейчас она была, видно, растеряна и обрадована. Она, улыбаясь, неловко бежала к ним, и растрёпанные волосы подпрыгивали у неё на висках. Она стала обнимать девочку и что-то приговаривать. Жучка знала, что так люди радуются.

Рыбак, неловко потоптавшись на месте, пошёл к себе, а за ним и Жучка. Теперь она бежала с ним рядом — на том самом месте, где раньше шла Саша.

* * *

Жучка снова увидела её на следующее утро. Было тепло. Рыбак, босой, в простых тёмных штанах и синей майке, строгал, сидя на крыльце, дощечку. Он хотел сделать новый резной наличник для окошка. А Жучка завтракала — доглядывала здоровенную коровью кость. Она была счастлива.

Тут подошла Саша.

— Здравствуйте! — сказала она Рыбаку и потом приветливо улыбнулась Жучке.

А Жучка, не отрываясь от кости, одним глазом посматривала на девочку.

— Как вашу собаку зовут? — спросила Саша.

— Как зовут-то?.. Жучка.

— Жучка?! — удивилась Саша.

В городе она знала много собак. Их прогуливали по бульвару рядом с домом, где жила Саша. Возвращаясь из своего второго класса, она всегда останавливалась, чтобы посмотреть на них. Это были всё породистые, откормленные псы. На их ошейниках позвякивали собачьи медали. И они откликались на мудрёные, щекочущие ухо имена: Реджи, Трилли, Квант, Карат...

Самым важным в той компании был полосатый боксёр, одетый в чуть великоватую для него, лоснящуюся шкуру. Он смотрел на всё медленными пустыми глазами — он был, кажется, чемпионом мира и, как видно, знал об этом. У того боксёра было длинное, в четыре слова, имя, которое Саша от удивления запомнила с первого раза: О'Ларс-Джорджи-Гор-дон-Слайти... Вот с какими собаками она была знакома! А про Полканов Шариков, Жучек решила, что они давно все перевелись. Из жизни убежали в книжки, в сказки. Потому-то она и переспросила сейчас:

— Жучка?

— Ну да, Жучка, — спокойно сказал Рыбак.

— А почему Жучка?

— Почему Жучка-то? — в свою очередь удивился Рыбак. — Так ведь чёрная она! Видишь, волос у неё чёрной масти. Если б кобелькам была,

значит, Жук. А раз барышня, то Жучка.

«Правильно! — подумала Саша.— Раз чёрная, значит, Жучка. Чёрная как жук!»

А Жучка лежала на траве, с костью, зажатой в передних лапах, и слушала, как её имя перелетало от Рыбака к девочке, словно птичка с ветки на ветку. Она слушала и поворачивала морду вслед за этим любимым своим словом то к Саше, то к хозяину, то к Саше, то к хозяину...

— Вот какие дела,— улыбнулся Рыбак. Был он нечёсанный, и лицо заспанное, и щёки небритые. Только глаза синие-синие!..

— А покормить её можно? — спросила Саша.

— Можно,— сказал Рыбак приветливо.

— Жучка, Жучка! Иди сюда! — Саша развернула газетный кулёк. Там были кусочки хлеба, лоскутки колбасных кожурок, что-то ещё.

Жучка увидела всё это. Она бросила дочиста обглоданную кость, подбежала к Саше, вильнув хвостом.

— Какая умная! — сказала Саша.— Понимает.

— Умная-умная,— подтвердил Рыбак.— Даже очень!

Сперва Саша побаивалась кормить Жучку из рук Но потом заметила, как аккуратно та берёт угощение — одним языком и губами... А Жучка уже давно знала, что людям не нравится, когда она хватает куски чуть не вместе с пальцами. Рыбак всегда после этого хлопал её по морде. Вот Жучка и стала вежливой!..

* * *

Прошло несколько дней, может быть, даже неделя — Жучка ведь этого знать не могла. Все солнечные и тёплые дни сложились для неё в один, а где-то посредине была серая прогалина — когда шёл дождь, дул ветер и она сидела в своём полутёмном логове, глядя на прозрачные жгутики воды, протянувшиеся с крыльца на землю.

Но дни эти, с виду совсем обычные, не прошли для Жучки даром. Что-то менялось в её собачьем сердце. Старое незаметно таяло, а новое росло. Она привыкла к Саше. Раньше девочка казалась ей такой новенькой и яркой, словно пятно снега на чёрной земле. Теперь Саша как бы приблизилась к Жучке. У неё стал знакомый голос, и знакомые шаги, и руки её пахли знакомо. Теперь, о чём бы ни думала Жучка, в голове её обязательно была и Саша. Рыбак в это время как раз уехал на своём карбасе, и Жучка сама не заметила, как потихоньку переселилась к дому, где жили Саша и строгая старуха.

Однажды утром Жучка, будто очнувшись, увидела, что спит не под своим обычным крыльцом, а под другим — где живёт Саша. Жучка вылезла, удивлённая, наружу. В ней что-то шевельнулось. На душе вдруг стало беспокойно, будто она украла кусок мяса и ждала теперь трёпки. Жучка перебежала дорогу, обнюхала крыльцо своего дома... Нет, Рыбак не появлялся. Тогда она вернулась, успокоенная, обратно и легла у старухиной двери — ждать Сашу.

Саша не была серией. Она обычно вставала довольно рано. Однако Жучка просыпалась и того раньше. Просыпалась и ждала. Но минуты проходили за

минутами, и Жучке начинало казаться, что девочка уже никогда не появится. И тогда в её собачьей голове стаями завывали мрачные мысли. Жучка становилась самой несчастной и самой печальной собакой на земле.

Но вот в избе, за толстыми брёвнами стен, начинали слабо слышаться знакомые стуки, скрипы, наконец, Сашин голос!.. Жучка вскакивала, слушала-слушала, напрягая неверные уши! Что было возможности засовывала нос в дверную щель, чтобы побольше выпить радостного для неё запаха.

Весь остальной день они проводили вместе. Саше тоже нравилось быть с Жучкой: нравилось ласково её поругивать и гладить, нравилось быть старшей, нравилось, что эта простая собака делает всё, как хочет Саша, а если не делает, так не из упрямства, а просто потому, что не понимает. Девочек, кроме Саши, в этой маленькой деревне не было. И Жучка, можно сказать, стала её подружкой. Саша звала её Хвостик.

Вместе они обследовали все окрестности деревни. На длинном берегу озера открыли удобный для купания заливчик. И рядом луг, где был дикий щавель... Или через густой, рукастый кустарник они отправлялись на большой пологий холм. Там было старое и потому нестрашное кладбище, всё заросшее крупной земляникой.

Насобирав банку ягод, Саша заходила в полуразбитую пустую церковь и долго рассматривала непонятные, сильно облупившиеся картины по стенам. Вслед за Сашей осторожно входила в церковь и Жучка. Раньше она здесь никогда не бывала: одной-то ей это было ни к чему. Жучка тихо ступала по непривычно холодному каменному полу, и слабые шорохи её шагов отдавались где-то высоко в полутьме сводов. Жучка останавливалась, боясь лишний раз переставить лапу, и тоскливо поглядывала на Сашу. А Саша смотрела на картины.

* * *

Вот так всё и было у Саши и Жучки. А что же Рыбак? Он сначала ничего — не сердился, что собака больше не встречает его на пристани, но потом...

Как же оно бывает? Откуда на свет является зло? Часто от пустых и глупых разговоров, от плохих шуток. Так случилось и в нашей истории...

Раз-другой Рыбака поддели, что вот, мол, она какая твоя собачка-то: верная-верная, а чуть прикормили, уж и на сторону смотрит!.. Рыбак всё будто внимания не обращал. Но раз вернулся он из большой деревни не в настроении. Может, и на этот раз, всё обошлось бы миром, не попадись Жучка ему под руку. А вышло как на грех!..

Вот Рыбак уже почти дошёл до своей избы, и тут вдруг увидел, как Жучка, вместо того чтоб встречать его у пристани, танцует вокруг Саши, весело повизгивая. А Саша держит в руках кусок сахара и поёт:

— Барыня-барыня, сударыня-барыня!..

Рыбак остановился, широко расставив ноги, и стал смотреть на девочку и собаку. Саша увидела Рыбака. Она сунула сахар в смеющуюся Жучкину пасть и крикнула:

— Здравствуйте, дядя Толя!

— А ну, Жу-чка, п-поди сюда! — тяжело сказал Рыбак.

Жучка оглянулась, увидела Рыбака. Разом вспомнила она про свою вину, которая потайною занозой сидела в её душе. Жучка опустила голову, завиляла хвостом и, низко приседая на лапах, пошла к хозяину. А Рыбак сверху вниз из-под насупленных бровей смотрел на свою собаку... Вдруг он сделал огромный шаг ей навстречу:

— Ах ты дрянь! Изменщица! Где гуляешь, а?..

Тяжёлый его сапог с размаху ударил Жучку в бок. Она даже взвизгнуть не успела. Дыхание разом прекратилось, она взлетела в воздух, перекувырнулась и всем телом шлёпнулась на землю как неживая.

Это всё заняло одну очень короткую секунду. Рыбак и сам едва мог

понять, как же он такое наделал. Он уже хотел подойти к Жучке, но вдруг увидел: на него со сжатыми кулаками бежит Саша.

— Не смейте! Не смейте!..

Тогда Рыбак повернулся и пошёл к своей избе. На пороге он оглянулся. Саша, стоя на коленях, обнимала Жучку:

— Хвостик, бедный ты мой Хвостик!.. А Жучка всё старалась и никак не могла встать. Рыбак нагнул голову перед низкой дверью вошёл в сени. Так у него не стало собаки...

* * *

Мне не хочется рассказывать долго о том, что так неприятно...

Жучка выздоравливала целую неделю. Лежала на подстилке у Ильиничны в доме — есть не ела, пить не пила. Не лаяла, не скулила. А только тыкалась в Сашины ладони горячим больным носом. Глаза у неё были мутные и тоскливые. Она поднялась на пятый день, но передняя левая лапа так и осталась хромою. И что-то изменилось в её повадке. Она стала недоверчивей и злее. Людей к себе не подпускала, еду не брала, гладить не давалась. Теперь у неё никого не осталось на всём свете. Кроме Саши.

И Саша будто изменилась, повзрослела, что ли... Первый раз в жизни не её защищали, не о ней заботились, а она сама защищала, заботилась. Первый раз в жизни она стала взрослой.

Теперь Саша и Жучка совсем не расставались. Ни днём, ни ночью. Девочка упростила, а старуха Анна Ильинична не могла отказать любимой своей внучке. И вот собака стала ночевать уже не под крыльцом, а у Саши под кроватью.

Ночи к тому времени уже заметно стали загустевать темнотою. Жучке хорошо было просыпаться в спокойном полумраке и тишине. Хорошо было слушать, как с важностью деревенских гусаков переговариваются пружины, когда Саша поворачивается на другой бок. Хорошо было видеть, как смутно белеет на стуле ровно уложенное Сашино платье. Жучка глубоко и сладко вздыхала. Сердце её, пойманное огромным счастьем, билось тихо-тихо. И ничего больше не хотелось этой простой собаке, кроме того, что было у неё сейчас...

Одно только было неудобство... Пока Жучка жила вольно, она вовсе не думала об этом. Но теперь, когда она сделалась вроде бы домашней, кое-что изменилось. Иной раз, проснувшись ночью, она чувствовала необходимость сбегать на двор по своей простецкой собачьей нужде... Необычная, не уличная, чистота комнат говорила Жучке, что здесь ничего такого делать нельзя. Значит, обязательно надо идти на двор. И она, наверное, смогла бы неслышно прокрасться в сени, встать на задние лапы, а передними навалиться на дверь. Так она делала не раз. И благополучно выходила! Но то бывало утром, вместе с Сашей. А сейчас, в шёпотном полумраке ночи, Жучке страшно было оставлять свою хозяйку одну. Страшно было оставаться без неё. И, повздыхав, повздыхав, Жучка через силу засыпала...

А лето в тех краях, где происходит наша история, уже заметно перевалило на вторую половину. Земляника повывелась. Ходить на кладбище больше было незачем. Сашу потянуло в лес — за черникой, брусникой, за грибами. Места здесь были знаменитые, бабушка ещё зимою

не раз хвалилась ими в письмах, и все местные говорили. Хоть чаще всего было им не до грибов, не до ягод.

Саша, привыкшая собирать грибы «по-городскому», всё пыталась сначала разузнать места. Ей в ответ только удивлённо посмеивались:

— Лес, он и есть лес. Никаких особых мест у нас нету.

Так и бабушка говорила, и все. «Ну что ж, посмотрим». Саша снарядилась в поход. Но только в первый раз у неё ничего не вышло. Едва они с Хвостиком забрались в ельник, который ещё и не был настоящим лесом, а только как бы его прихожей, на них напала такая орава комаров, что, кажется, воздух почернел. В самой деревне, конечно, тоже комарики покусывали, но всё же вполне терпимо. К тому же их гонял свежий ветерок, который почти всегда ровно дул с озера... А здесь! Саша и думать не могла, что на руку может разом сесть целый комариный выводок — штук двадцать!..

Саша бежала из лесу без оглядки. Наверное, и от медведя она бы не сумела проворней! Жучка, не очень понявшая, в чём дело, скакала рядом. А злодеи комары, словно осы из растревоженного гнезда, долго гнались за беглецами: только чуть остановишься дух перевести — они опять тут как тут. Поют жалобно и тонко, а кусаются, как волки!..

В другой раз Саша была умнее: надела кофту с длинными рукавами, спортивные брюки, в которых ходила на физкультуру, на голову шапку из газеты.

А руки, лицо и шею, которые будто бы всё же остались на поживу злодеям, вымазала такой особой жидкостью. От неё комаров ну просто с души воротит. Теперь они кружились и ныли над Сашей, но поделаться ничего не могли. Саша сначала побаивалась этого бесконечного и унылого пения, потом стала подсмеиваться над неудачниками, а потом просто про них забыла. Правда, иногда какой-нибудь особо отчаянный шельмец исхитрялся-таки прокусить одежду. Но это уж было ничего, не странно.

Жучка за всю свою жизнь была в лесу раза три-четыре, не больше. Одна сюда ходить она не решалась. А Рыбаку то было не до леса, то не до Жучки... Поэтому сейчас высокие молчаливые деревья и густые смолистые их запахи, и запахи травы, старой листвы, старых слежавшихся иголок, запахи разного зверья, сочные лесные краски — всё было ей, можно сказать, в новинку. Она ведь совсем не была охотничьей собакой, и, значит, лес не был ей родиной. Она привыкла ютиться около человеческого жилья и опасаться того, что мы называем природой... Но теперь-то было другое дело! Она пришла сюда с Сашей — своею прекрасной хозяйкой. И потому, наверное, впервые за всё время — лес понравился ей. Просторностью облитых солнцем полян, и особой чистотой, и звонкими звуками её собственного лая, и многим другим, чего никто не поймёт и не скажет, кроме самой собаки. А собаки, к сожалению говорить по-нашему не умеют!..

И ещё, может, в Жучке шевельнулось то старое или, лучше сказать, древнее, что передалась ей по наследству от матери, бабки, прабабки и дальше, дальше... бог знает, из какой старины, из тех времён, когда древний человек и древняя собака сидели у древнего костра, у входа в пещеру, а кругом стеною стояла чаща дикого леса...

Девочка и собака шли среди деревьев каждый занимаясь своим делом, но помня друг о друге, переглядываясь, пересмеиваясь. Саша набрала уже

полную корзину грибов — да каких! — и полную банку ягод... И тут вдруг она заметила, что заблудилась!..

* * *

Саша догадалась об этом, когда решила отправиться в обратный путь. Огляделась кругом... В какую же сторону идти? Как они оказались здесь, на поляне со старой, давным-давно свалившейся берёзой?.. Куда ни посмотри, везде стоял одинаково незнакомый лес. И молчал. Саша села на заросший зелёными волосами берёзовый ствол.

— Сейчас отдохнём, да, Хвостик?.. И пойдём домой, к бабушке,— сказала Саша. Она старалась не пугаться.

Жучка улеглась рядом, вытянув передние лапы и глядя снизу вверх на Сашу. С хозяйкой ей никогда не было страшно. Да и чего бояться? Дорогу домой она бы нашла сейчас, как говорится, с закрытыми глазами... Она и думать не могла, что её прекрасная хозяйка заблудилась...

А Саша ещё раз осмотрелась кругом. И вдруг вспомнила! Ну конечно: вон под той ёлкой она нашла белый. Оттуда она и вышла!

Саша быстро встала:

— Айда, Хвостик!

Они шли минут двадцать, пока не оказались вдруг на краю новой поляны. Когда-то здесь была лесосека. Из земли торчали голые пеньки, и вся поляна походила на огромную шахматную доску. С боков её уже теснил лиственный молодняк. А сама поляна заросла дикой малиной. Эту поляну Саша и Жучка раньше не встречали. «Куда же идти?» — подумала Саша и положила в рот пахучую малинину.

Ягода оказалась очень хороша! Саша сорвала ещё одну и ещё. Она поставила тяжёлую корзину на пенёк и начала рвать ягоды. Зрелой малины было уже много.

Жучка в это время возилась в траве у края поляны. Она здорово проголодалась и решила теперь сцапать лягушку, которая так и сяк пыталась от неё улизнуть... Вдруг Жучка совсем близко от себя услышала громкий шорох. Она подняла голову. Через молодняк, не разбирая дороги, расталкивая тяжёлыми рогами ветки, шёл матёрый лось. Сейчас, когда кругом полно было корму и не надо было заботиться о самках, лось не собирался ни воевать, ни сердиться. Но кто это мог объяснить Жучке? Она взвизгнула, зарычала, попятилась назад.

Саша увидела сквозь зелень что-то буро-коричневое, огромное. «Малина — медведь!» — тотчас пронеслось у неё в голове.

— Назад, Хвостик, назад! — закричала она не своим голосом и бросилась бежать.

Жучка за ней. А лось, испуганный криками, лаем, рычанием, повернул и помчался, гремя, ломая ветки, в другую сторону. Но Саша со страху решила, что это погоня. И припустилась ещё быстрее — всё дальше от малины, от дома, от страшного медведя...

Неизвестно, сколько бы она так пробежала, если б наконец не завязла в густом ельнике. Она поневоле остановилась — исхлёстанная, исцарапанная ветками. Всё было тихо. Через минуту к ней подбежала Жучка, которая теперь сильно припадала на переднюю левую лапу.

— Ну, что ж ты, Хвостик? Что ж ты, милая моя? — сказала Саша и заплакала.

Кругом было глухо, дико. Косое солнце опускалось к горизонту и казалось теперь далёким-далёким. Стало ясно, что они окончательно заблудились.

* * *

Однако что-то надо было делать. Не оставаться же на всю жизнь в этих ёлках! Они выбрались в большой лес, где было попросторней. Между тем ядовитая жидкость, которой Саша намазалась дома, выдохлась. Комары принялись за своё безжалостное дело. Саша отломил ветку и хлестала, хлестала себя не переставая. Да что Саша, даже Жучку комары донимали. Она то и дело трясла мордой и прядала ушами, как настоящая лошадь. Саша бы, наверное, засмеялась, да только было сейчас не до смеха... «Правда, как лошадь,— снова подумала Саша. И тут же сообразила: — Она ведь собака! Может по следам вывести!»

— А ну, Хвостик, ищи след! Нюхай! — приказала Саша.— Домой, домой, псина!..

Жучка, склонив голову набок и растопырив уши, смотрела на хозяйку.

— Ищи же!..

Но что было взять с этой абсолютно не охотничьей собаки. Нос её был самый обычный нечуткий нос. Ну, может, немного получше человеческого. Жучка совсем не умела искать следы. А главное, не понимала, чего от неё сейчас требуют. Она ни на шаг не отходила от хозяйки, тем более что начинало уже потихоньку смеркаться. Сумерки стали прятаться за деревьями, оседали на тяжёлых сосновых лапах. Саша поняла, что от Жучки толку не будет.

— Ну, пойдём...— Она пожала плечами.

В детских книжках Саша не раз встречала такие слова: «...пошли куда глаза глядят». Теперь она сама шла куда глаза глядят.

Так они шли по вечернему лесу довольно долго. Солнце уже совсем спряталось. Осталось одно только светлое небо. Но было оно слишком высоко, далеко от Саши и Жучки. А здесь, внизу, деревья чуть не с каждой минутой становились всё толще от прилипшей к ним темноты. Всё труднее было протиснуться между ними по светлому пространству. «Куда же мы идём?» — думала Саша.

И Жучка думала то же. Дом — она это знала — был в другой стороне!.. Она плелась немного сзади и смотрела на ноги своей хозяйки: левая отстала — правая впереди, правая отстала — левая впереди. Больная Жучкина лапа занемела и, как бы сама собою, приподнялась. Жучка на неё не наступала. Идти так было непривычно и плохо. Скоро она совсем выбилась из сил. И ещё она была голодна и не понимала, почему ей не дают поесть, почему в этот тёмный час она не у себя под кроватью, где так уютно, тихо, тепло и где пружины кричат важными голосами деревенских гусаков.

Если б Жучка была одна, её не смогли бы удивить никакие горести и беды. Но ведь она была с хозяйкой, которая сумела защитить её от самого могущественного человека на свете — от Рыбака! Почему же хозяйка не

позаботится о ней сейчас? В голову Жучке стали закрадываться всякие чёрные мысли. Она опять начала смутно припоминать, что Саша не хозяйка, а просто девочка. Девочка, появившаяся неизвестно откуда вместе с Рыбаком. Правда, Жучка помнила один случай, когда она так же блуждала ночью по лесу со своим прежним хозяином. Но Рыбак был весел, шагал легко, за спиною у него были мешок с едой и ружьё. И у Жучки в брюхе было тогда сытое веселье — она потому, наверно, и запомнила тот случай... А Саша? От неё на Жучку — как холодом из погреба — дул ветер неуверенности и печали. И Жучка всё отставала, отставала...

— Хвостик! — Саша обернулась к ней.— Ну ты что же, собака? Совсем у меня охромела?

Жучка подошла. Саша погладила её неуверенной, слабой рукой. Жучке стало совсем тоскливо. «Не могли же мы далеко уйти! — думала Саша.— Не могли же ведь! И бабушка далеко не велела: ты, говорит, по краешку ходи, тебе и грибов и всего хватит».

Тут Саша заметила, что всё ещё держит в руках бечёвку, на которой висит стеклянная банка с ягодами. Банка уже не была такой полной, как раньше. Наверное, ягоды просыпались, когда Саша и Хвостик убежали от лося... Ягоды! Саша изо всей силы почувствовала, как ей хочется есть. Она зачерпнула горсть ягод и начала быстро жевать. Съела одну пригоршню, вторую, третью, четвёртую... Вдруг подумала: «А Хвостик?» Сыпанула на ладонь горку ягод:

— Хвостик, на-на!

Жучка понюхала ягоды, посмотрела на Сашу и отвернулась. «Не ест,— догадалась Саша,— не любит. Есть хочет, а не ест. Ей мяса нужно или хлебушка...» Саша стала думать о хорошем куске хлеба с маслом, со сладким чаем... И как будто от этого идти стало легче...

От этого? Нет! Просто Саша не заметила, что уже некоторое время идёт по какой-то тропинке.

Зато Жучка заметила! Земля под её лапами стала чуть твёрже, и нет-нет да и попадались пятна хоть и старых, но хорошо знакомых ей нелесных запахов. Каждый такой запах она вынюхивала с радостью, с наслаждением. Даже обычно ненавистный ей папиросный окурочок она обнюхала прилежно и ласково, как родного.

И снова Саша стала прекрасной хозяйкой, а Жучка — простой собакой, её младшей подружкой. Жучка теперь скакала прямо по пятам за Сашей. Она сейчас испытывала такое чувство, которое — если перевести его на язык человеческой души — можно назвать стыдом. И ещё через этот стыд, как вода через слабую плотину, хлестала огромная радость.

Не только оттого, что они наконец-то на твёрдой человеческой дороге, но, главное, и оттого ещё, что Саша в самом деле оказалась не простой девочкой, а настоящей прекрасной хозяйкой. Ведь для собак нет ничего горше на свете, чем разлюбить своего хозяина...

Вы спросите: «А как же Рыбак?..»

Но ведь Рыбака Жучка по-настоящему и не любила!..

* * *

Тропинка между тем становилась всё уверенней и твёрже. Она решительно раздвинула кусты, растолкала деревья и превратилась в старую лесную дорогу. Теперь и Саша это заметила. Она крикнула Жучке:

— Аида, Хвостик! Аида веселей! Скоро дома будем!

Дорога обогнула заросли каких-то колючих кустов — что это за кусты, в темноте было не разобрать — и вывела их на небольшую поляну, к лесному ручью. На том берегу вплотную к лесу стояла изба... Не изба, вернее, а так, избушка. И видно было: давно уже стояла она здесь. Деревья обступали её как свою, трогали длинными ветками.

Ручеёк был в ширину шага три-четыре, не больше. Да уж мост через него больно опасен — старый берёзовый ствол... Но делать-то нечего! Вытянув в стороны руки, как это делают канатоходцы, Саша осторожно перешла на

другой берег. Оглянулась. Жучка неловко суежилась на той стороне и тихо скулила: идти по бревну на трёх лапах ей было боязно. Саша вернулась обратно, взяла Жучку на руки...

«Тяжело,— подумала она.— Обе и свалимся...»

Плавать она вообще-то умела, но только когда мама была поблизости. И всё же она ступила на бревно. Сделала шаг, ещё один. Вдруг покачнулась... нет, не упала. Только Жучка вздрогнула, ещё плотнее уткнула ей нос под мышку. Остался последний шаг, Саша прыгнула на берег, тут же посадила Жучку на землю и с наслаждением хлопнула себя по щеке — комарище впился!..

Потом они вместе подошли к избушке. Вид у неё был какой-то нелюдимый: единственное оконце тёмное и трава кругом не примята. Но делать-то нечего! Саша собралась с духом и хотела уже постучать в окно, но тут заметила: дверь в избушку припёрта толстой палкой. Значит, внутри никого...

— Что же будем делать, Хвостик? — спросила Саша.

Но Жучка же не умела говорить! Будто в ответ, она вбежала на крыльцо. За нею и Саша. Убрала палку, открыла дверь, вошла, стала у порога. На всякий случай спросила:

— Можно?

В ответ тишина.

Постепенно Сашины глаза привыкли к полутьме. На узком подоконнике она увидела свечу, воткнутую в бутылку, и рядом спички. Саша зажгла свечу. Словно деревья под неслышным ветром, закачались тени по углам. Саша подняла свечу повыше, осветила всю избушку. Самодельный стол, три коренастые табуретки вокруг, в углу большая печь с лежанкой, у стены широкая лавка, над столом подвешен шкафчик...

Всё было просто, мирно. Нет, плохие люди здесь не жили.

Держа бутылку с горящей свечою в руке, Саша открыла дверцу шкафа., Там стояло несколько стеклянных банок, плотно закрытых крышками: крупа, грубо набитые куски сахара, сероватая крупная соль. Что в четвёртой банке, Саша понять не могла. Она открыла крышку, понюхала, догадалась: махорка. Ещё тут было три стакана, алюминиевые ложки, вилки и довольно большой холщовый мешочек. Саша тронула его рукой — твёрдое, неровное. Понюхала — пахло ржаными сухарями! Сразу есть захотелось ужасно!

Однако брать без спросу стыдно... «Чьё это всё может быть? — подумала Саша.— И дом, чей он?» Девочка ещё раз внимательно осмотрелась. Всё в избушке было чистое, всё стояло в порядке. Но и было понятно, что здесь давно уже никто не жил: может, месяца два, а может, и больше. Как-то не пахло здесь живым жильём. И на столе, на табуретках тонким-тонким слоем лежала пыль, которая всегда появляется в домах, где долго никого нет... И ещё валенки. Они аккуратно стояли в уголке у двери. Кому сейчас, среди лета, нужны валенки?

Саша знала, что в здешних огромных лесах нет-нет да и попадаются такие избушки, неизвестно кем и когда построенные. Деревенские называли их «зимовье». Здесь всегда есть припасы на несколько дней. Охотники, лесники, собиратели трав—каждый, кто забредёт сюда, старается оставить что-нибудь из съестного, отсыпать соли, спичек, нарубить немного дров. Для кого? Для какого-нибудь путника, который окажется тут с пустым

рюкзаком, усталый, промёрзший. Такие уж обычаи у лесных людей. Хорошие обычаи!..

Между тем Жучка, обшарив все углы и не найдя ничего интересного, сидела теперь у стола и с любопытством глядела на хозяйку.

— Ну что, Хвостик? Кушать хочется? — спросила Саша и сама засмеялась, что сказала собаке «кушать».

Она достала сахар, мешочек с сухарями. Вынула один сухарь, а он крепкий, как каменный. Не укусишь. «Чайку бы,— подумала Саша,— или хоть водички!..» И тут она догадалась: да ведь воды-то полная река рядом!

У печи стояло два ведра. Она подумала, взяла то, которое поменьше, толкнула дверь и вышла на улицу...

* * *

Да нет, не улица то была — тёмная лесная поляна! Саша остановилась на крыльце, сердце её сильно билось. Кругом огромными чёрными деревьями стояла ночь. В серо-синей полынне над поляной между косматыми вершинами редко горели звёзды. Ручей тихо точил берега. Было очень страшно!..

И вдруг рядом с нею глубоко и по-домашнему вздохнула Жучка. Саша посмотрела на доверчивую и вопрошающую собачью морду. Жучка была младшей в их дружбе, а Саша — старшей. Но ведь старшие о младших должны заботиться, помогать им... Уж по крайней мере не дрожать при них от страха. Виду не подавать!

— Ты, Хвостик, здесь посиди,— шёпотом, но как можно уверенней сказала Саша,— а я *за* водой.

Она постояла ещё минутку, собираясь с духом, и потом пошла... А Жучка — вот умница, вот милая какая! — тоже сбежала с крыльца — и за Сашей. Вдвоём-то всё же веселей!..

Они прошли всего несколько шагов, и вот она, речка. В ледяной воде её плавала, дрожала жёлтая звезда. Тихо, чтобы поменьше плескать и шуметь, Саша положила ведро на воду. Оно слабо звякнуло и тут же потяжелело, начало тонуть. Саша скорее подвела ведро к берегу, схватилась за дужку двумя руками, кое-как вытянула его на берег.

Воды оказалось не так уж много — до половины, но тащить всё равно тяжело. Однако они мигом добрались до избушки. По трём горбатым ступенькам крыльца Саша чуть не бегом вбежала. И скорее дверь захлопнула и большой железный крючок накинула, словно боялась, что ночь вбежит за ними следом.

* * *

А в избушке хорошо, спокойно. И свеча на столе горит. И сухари, есть, и колотый сахар!.. Они поужинали на славу. Саша съела три сухаря, а Жучка целых пять! Зато сахару они взяли только по два средних кусочка — всё-таки стыдно чужой сахар таскать!..

Потом они стали укладываться спать. Саша перенесла с печи старый тулуп, постелила его на лавке. Нашлась и подушка. В брюхе у неё шуршало

сено. Всё было готово. Да только Саша никак не могла решиться свечку задуть. Однако же в доме огонь не оставишь! Саша вздохнула поглубже и дунула на гибкий язычок пламени...

Сразу наступила темнота. И только перед глазами ползали жёлтые пятна — глаза ещё помнили огонь свечи.

В темноте Саша сняла тапочки, легла на лавку, закуталась в тулуп, потолкала кулаками подушку, чтоб хоть немного разворошить сено. А Жучка забралась под лавку, повозилась там немного, повздыхала и уснула.

В доме больше не осталось ни звука.

Саша лежала с открытыми глазами. Темнота в избушке уже не казалась такой непроходимой. Хорошо виден стал синеватый квадрат окна, перечёркнутый рамой. Напротив слабо белела печка... Саша стала думать о сегодняшнем необыкновенном дне. О потерянных грибах, малиннике и медведе... Ужас, как было тогда страшно! А теперь вроде и ничего... В общем-то, она вела себя молодцом. Только вот медведя... но его всякий испугался бы. А так молодцом. И Хвостик помогла. Вечером накормила собаку, напоила. Как настоящая взрослая. Теперь только надо её из лесу вывести. Но где кончается этот огромный лес, где дом?

Саша опять перебрала всё виденное за день: грибные поляны, малинник, медведь, ельник, река...

Вот реке хорошо — бежит себе и бежит, петляет меж деревьев: куда неизвестно и неизвестно откуда... Вообще-то известно: все маленькие речки впадают в реки побольше, а те в ещё большие, а те совсем в большие. А большие реки текут в моря... Но никакого моря тут поблизости не было! Куда же девается эта лесная речка?.. И вдруг Саша сообразила: в озеро! В то самое северное огромное озеро, на котором стоит их деревня!

«Мне б только до берега, а там уж разберёмся!» — обрадованно думала Саша.

Она прямо сейчас была готова отправиться в путь. Но в окно упиралась всё та же безмолвная темнота. Ночь только ещё начиналась, долгая ночь... И чтобы она скорее прошла, Саша повернулась на правый бок, носом к стенке, и уснула...

* * *

Вы, конечно, знаете, как оно бывает, когда девочка, пропадая в лесу целые сутки, возвращается домой: слезы, радость, и строгие слова, и ласковые — всё получается вместе. Саша и Жучка отведали этого удивительного виногрета вдосталь! Но ведь, в конце концов, несчастья-то никакого не случилось, поэтому скоро всё улеглось, и они стали, как говорится, жить да поживать... Давайте-ка перелистнём несколько страниц нашей истории, где рассказывается о днях простых и обычных, во время которых ни с девочкой, ни с собакой ничего особенного не происходило. Скажем только, что Рыбак — наш третий герой — в деревне появлялся редко. Жучка его почти не видела. А когда видела, старалась быть поближе к хозяйке...

* * *

Но вот настал день Сашиного отъезда. Саша знала об этом дне за неделю или даже раньше. А Жучка не знала ничего. Потому что сборы были бабушкиной заботой. На неё Жучка обращала мало внимания. А Саша вела себя как и всегда.

Только утром того дня Жучка почувствовала что-то. Они встали раньше обычного и больше обычного суетились. От бабушки Анны Ильиничны во все стороны разлетался колючий запах нафталина. Несмотря на тягучую августовскую жару, она была одета в чёрное суконное платье — выходное, надеваемое только на праздник. Анна Ильинична уезжала вместе с внучкой: погостить в городе.

Саша бегала по дому, собирая вещи, которые всегда остаются неуложенными до последнего момента: зубную щётку, полотенце, ленты, ещё всякую мелочь... Жучка сперва бегала за ней, но потом устала от бестолковой этой суетни, легла у порога, высунув язык. Тут она впервые обратила внимание на то, что Саша почти ни разу не посмотрела на неё, не погладила. Жучке от этого стало грустно... А потом тревожно! И ещё было ей непривычно голодно: время завтрака давно прошло, а хозяйка и не думала её покормить.

Наконец сели завтракать, выставив на стол необычно много еды — оставлять-то всё равно было некому. Жучку всегда радовало, когда еды много. Значит, и ей много дадут!.. Хоть она за это время и откормилась прилично, однако вся прежняя жизнь научила её умению есть про запас. А Саша всё подбрасывала и подбрасывала ей вкусные кусочки.

— Хватит, Саша, хватит,— недовольно сказала бабушка.— Сама-то поешь. Перед дорогой ведь!

— Жалко её! — Саша вдруг заплакала и даже сама удивилась: так неожиданно ударили её слезы.

— Вот так хорошо! — Бабушка через стол протянула руку, стала вытирать ей глаза.— Зарёванная вся поедешь!.. Знаешь же, не пропадёт твоя собака.

Они заранее договорились с соседкой бабкой Клавдией, что та возьмёт Жучку себе. А что оставалось делать? Саша была уже достаточно взрослой девочкой и понимала: в город ей собаку взять не разрешат!..

Жучка положила передние лапы Саше на колени, лизнула её мокрые солоноватые щёки и вдруг гавкнула прямо девочке в лицо. Саша так и отпрянула.

— Ну тебя, Хвостик! — Она улыбнулась.— Ничегошеньки ты не знаешь!

Но Жучка, неизвестно отчего, именно в эту минуту почувствовала какую-то беду. Но какую? Её прежний хозяин, Рыбак, когда собирался в большую деревню, не суетился, не брал с собою ни сумок, ни чемоданов. Он только долго чистил свои сапоги звонко-вонючей ваксой. По этому запаху Жучка всегда и узнавала, что он уезжает...

Анна Ильинична, Саша и Жучка вышли на Деревенскую улицу. Бабушка повесила на дверь большой замок, ключ спрятала в кошелёк, кошелёк в чемодан, а чемодан заперла ещё на маленький ключик, который обернула в платок и положила в карман. Из окон на них смотрела чуть не вся деревня.

— Ну, присядем на дорожку! — Бабушка опустила на чемодан, Саша притулилась рядом с нею.

А Жучка смотрела на них, склонив голову, и в сердце её всё больше

разгоралась тревога.

— А ты что же, Хвостик? — сказала Саша. — А ну-ка, сидеть! Сидеть!

— Перестань, Саша, — строго сказала бабушка. — Не время! Жучка села.

— Вот ты *какая* собака! — сказала бабушка. — Понятливая.

— Может, возьмём, бабусь?

— Будет тебе... Сама ведь знаешь! — Бабушка встала. — Ну, пошли с богом!

Они шагали под горку к маленькой деревенской пристани. Саша несла две сумки — было тяжело. Поэтому она почти не замечала Жучку, которая всё время бежала с нею рядом. Из каждого дома им опять и опять говорили: «До свидания!» и «Доброго пути!». Бабушка всем степенно отвечала, а сама тащила да тащила чемодан и большую сумку.

У пристани уже слышалось тархтение мотора. Сын бабки Клавдии Пётр Петрович взялся отвезти их к поезду. «Вот и всё, — подумала Саша, — кончилась деревня!» Но думать об этом было не очень грустно. Впереди её ожидал мамин отпуск и неведомое Чёрное море, которое почему-то всё равно представлялось синим... Наверное, синева была в самом слове «море»...

* * *

Бабушка и Пётр Петрович укладывали в лодку вещи. Но Жучку всё это не очень пугало. Они иногда приходили сюда вместе с хозяйкой. Вот и сейчас пришли. Хозяйка гладила её и говорила какие-то слова, среди которых часто посверкивало её новое имя: Хвостик. А тревога всё сильнее жгла её изнутри. Лицо хозяйки было сейчас совсем близко. Жучке хотелось его лизнуть. Обычно ей это не разрешалось... Но в голосе хозяйки было что-то особенное, отчего сердце ныло больно и сладко. Она не удержалась и лизнула хозяйку в щёку, потом ещё и ещё раз. А хозяйка уже ничего не говорила, кроме её имени: «Хвостик, Хвостик, Хвостик». Вдруг что-то сказала строгая старуха. На мгновение лицо хозяйки стало совсем-совсем близко, а потом поднялось, словно луна из-за деревьев, и стало, как обычно, высоко вверху. Чтобы видеть его, Жучка села и задрала голову. И тут хозяйка шагнула в лодку. Пётр Петрович сильно оттолкнулся от пристани, будто собирался весь берег отодвинуть. Лодка выскользнула на середину заливчика у пристани. Сразу громче загремел мотор, ударил винт. Лодка быстро пошла к горизонту, оставляя за собой длинный хвост в три запаха. Пахло бензином, рыбой и Сашей. Жучка оттолкнула два запаха и стала любоваться третьим, своим любимым — запахом девочки...

— До свидания, Хвостик! — крикнула Саша.

— Сядь, упадёшь! — строго приказала бабушка.

Жучка услышала своё имя, поняла, что хозяйку куда-то увозят без неё. С пристани она метнулась на влажный песок, вбежала в воду, поплыла, напряжённо вытянув морду... Но ведь она не была хорошим пловцом. Просто, как все собаки, умела плавать от рождения — и только!.. В жизни ей этот навык пригодился всего несколько раз.

Жучка плыла медленно — куда ей было тягаться со стальным мотором. Лодка безжалостно удалялась. И когда вдруг она исчезла за лесистым мыском, Жучку охватил ужас. Она оказалась совсем одна среди враждебной воды. Впереди нигде берега не было, а усталость уже начинала тянуть её намокшее тело вниз, и мелкие волночки стали всё чаще ударять ей в нос.

Она ещё плыла некоторое время вперёд, лихорадочно соображая, что делать. Наконец не ум её, а глухой звериный инстинкт, который заставляет повиноваться без раздумий, повернул Жучку к берегу. И она плыла, тянула из последних сил, хлебая воду, тяжелея и задыхаясь, пока наконец лапы её не достали дна.

Дрожащая, ничтожная, со слипшейся шерстью, Жучка выползла на сухой берег. Переставляя неверные лапы, добрела она до травы, отряхнулась кое-как и легла. Только что пережитый страх и ещё не совсем ею понятая боль за хозяйку отняли все её силы. Жучка закрыла глаза. И неизвестно было, то ли она умерла, то ли забылась тяжёлым сном...

* * *

Началась самая ужасная пора в её жизни...

Первые несколько дней она металась по деревне от избы Анны Ильиничны к пристани и обратно. Взбегала на крыльцо, нюхала под дверь. Лаяла на окна, надеясь вызвать Сашу.

Однажды целый день она бегала по тем местам, где они бывали с хозяйкой. Но везде оказалось пусто. Только в полуразбитой церкви, где под потолком носились летучие мыши слабых шорохов, Жучка нашла старую конфетную бумажку, тихо пахнущую Сашей. Но Жучка знала, что это старая бумажка. Она тут же припомнила полосочку сладости на языке. Хозяйка тогда поделилась с нею конфетой... И Жучка ушла прочь из церкви. Больше она никогда не бывала здесь за всю свою жизнь.

Что же было ей делать дальше? Оставалось последнее средство — идти в лес. И она пошла. Отчаяние, серая волчица, гналось за нею по пятам. А впереди белым зайцем мелькала надежда.

Жучка обежала весь их маршрут часа за два. Дорогу она отыскивала легко и даже вообще не думала о ней. Сначала она домчалась до первой грибной поляны. Саши не было. Но Жучка почему-то и не особенно надеялась встретить здесь хозяйку. Сюда она забежала просто так, можно сказать, «для очистки совести».

Следующей «станцией» был малинник. Сейчас он был в самой своей лучшей поре: весь созрел до последней ягоды, стоял на солнцепёке, сочась чуть уловимым сладким ароматом. Но Жучка ничего этого не заметила: она ведь не ела малины и вообще ей было сейчас не до еды. Небрежно расталкивая малинные кусты и осыпая на землю перезрелые ягоды, она отыскивала то место, где когда-то стояла Саша. Слабый-слабый — едва ли громче мышинного писка — запах рассказал ей об этом. И всё-таки Жучка осталась довольна: лес помнил о хозяйке. А вот грозный запах лося совсем исчез. Это что-нибудь да значило!.. Она припустилась дальше — к ельнику, а потом по тропинке, по забытой лесной дороге. А в сердце её подпрыгивало одно и то же прекрасное слово: «Хвостик, Хвостик, Хвостик!» У поваленной берёзы — мостика через ручей — Жучка остановилась. Вот странно: сейчас — как и тот раз — у неё опять заныла лапа. Обычно всякая боль делает собаку подозрительной, хмурой, особо осторожной. Но сейчас Жучка испытывала даже некоторое удовольствие и радость: всё было как в прошлый раз!..

Она опять боязливо потопталась у мостика, потом даже гавкнула раз-другой, чтобы хозяйка скорее появилась откуда-нибудь и взяла её на руки... Но лаять здесь оказалось страшно: слишком уж далеко разбежалось эхо, слишком пустынна и молчалива была поляна. Так и казалось, что за каждым кустом таятся враги.

Жучка поскорее перебралась на ту сторону, влезла на горбатое крылечко,

повернулась спиной к двери, мордой к лесу, чтоб каждому было понятно: она здесь хозяйка... Но пусто было в доме — ни звука, ни запаха...

Она ещё посуетилась вокруг избушки, отыскивая остатки Сашиных следов. Но ей невозможно было обмануть свой нос. Запахи были такие дряхлые, будто их и совсем не было, будто она их просто придумала.

И тут левая лапа разнылась. Боль и тоска залезли ей в самое сердце.

Не глядя по сторонам, ни на что не надеясь больше, она заковыляла на трёх ногах вниз по ручью. И потом по берегу озера пришла в деревню — такую же пустую теперь, как лес, как всё на свете!

Рыбак явился домой весёлый — солнце грело, рыба ловилась... У дома его перехватила бабка Клавдия:

— Эй, Толя, знаешь, собака твоя совсем пропадает!

— Здравствуйте, баба Кланя! — крикнул Рыбак. — Чтой-то она пропадать задумала?

— Вот же ты какой твердокаменный! — рассердилась бабка Клавдия.

* * *

Один день Жучку одолевала великая собачья обида. Но потом она исчезла без следа, потому что, какая б смышлёная ни была собака, хозяин, по её разумению, всегда прав. Так уж собаки устроены. И осталась Жучка наедине со своей печалью. Ни о чём больше не думала, запахов не искала. Только иногда в мелькании кустов ей чудилось Сашино платье. Она выскакивала в ту же секунду, но нет!.. Сердце тотчас падало, Жучка возвращалась обратно под крыльцо хозяйкиной избы. И тусклые глаза её смотрели в землю...

Сердобольная бабка Клавдия не раз зазывала Жучку к себе. Но худая, растрёпанная собака глядела недоверчиво и всегда убегала, едва старуха хотела к ней подойти. Бабка Клавдия издали бросала ей хлеб и кости. Жучка ела, но без обычной весёлой собачьей жадности. «Пропадёт собака! — вздыхала про себя бабка Клавдия. — Нет, не жилец она на этом свете, не жилец... Вот же любовь собачья!..» И удивлённо и печально качала головой...

* * *

Рыбак явился домой весёлый — солнце грело, рыба ловилась... У дома его перехватила бабка Клавдия.

— Эй, Толя, знаешь, собака твоя совсем пропадает!

— Здравствуйте, баба Кланя! — крикнул Рыбак. — Чтой-то она пропадать задумала?

— Вот же ты какой твердокаменный! — рассердилась бабка Клавдия.

— Да где она? — спросил Рыбак.

— Вот, посмотри сам! У Ильиничны под крыльцом, бедная, лежит...

Увидев Рыбака, Жучка молча отползла в самый дальний угол своего логова. Когда человек протянул руку, она зарычала. Рыбак замер в

растерянности. «Вот те на! — думал он.— Вот так дожил!»

Спроси его, он уж и не помнил толком, как эта собака досталась ему. Вроде кто-то из друзей предложил щенка симпатичного. А щенки ведь все на один фасон — симпатичные... Через полгода из этого щенка выросла Жучка.

Сейчас Рыбак стоял, неудобно согнувшись, и смотрел в чёрную дыру под крыльцо, а сердце его никак не могло -понять: как же это случилось, чтобы Жучка, чтобы его собака смела рычать?

«Ах ты неблагодарная! Тварь!» — хотел он крикнуть и не крикнул. Потом хотел пнуть её ногой и не пнул. Он только посмотрел ещё раз в угрюмые и жалкие Жучкины глаза, повернулся и пошёл к своей избе.

— Толя! — крикнула опять бабка Клавдия.— Ну дак что ж ты? Как решил? Рыбак молчал.

— Мне-то, видишь, она не даётся, собака. А пропадает!.. Пропадёт!.. Рыбак молчал.

— А ты всё ж таки её хозяин...

Рыбак хотел сказать, что мало ли собак пропадает и пропадало, он-то при чём? Он теперь не хозяин, пусть старуха Ильинична и городская девчонка... А то умеют только сманивать!

И ещё он хотел сказать... нет, даже крикнуть зло, что пусть пропадает, раз неверная, раз неблагодарная такая. Да и не пропадёт она, эта собака: ещё к кому-нибудь присоседится!..

Всё это быстро промчалось у него в голове, как узенькая лента телеграммы. Но ничего такого он почему-то не сказал, а только плечами пожал:

— Рычит она...

— А ты поласковой, Толя,— наседала бабка Клавдия.— Ты ещё ведь совсем молодой, а такой уж...— Она собиралась сказать «сердитый», но попридержала язык.

— Какой? — спросил Рыбак без особого интереса.

— Сурьёзный!

— Так это ж хорошо, баба Кланя. Серьёзных-то все хвалят.

— Ну вот и займись. Вот и займись с этой собакой-то!..

Рыбаку стало ясно: что бы он ни сказал, бабка Клавдия опять сведёт на Жучку. Он усмехнулся, рукой махнул и пошёл к себе в избу, больше уже не оборачиваясь.

Я не знаю, о чём думал Рыбак весь остаток дня и ночь. Наверное, уж не об отбившейся от людей собаке. И всё-таки память о Жучке крепко засела у него в душе. Потому что на следующее утро он поднял валявшуюся в сенах старую Жучкину миску, ополоснул её, налил из кастрюли щей, тех же самых, что ел сам. Подумал секунду, положил немного мяса, вышел на улицу и крикнул:

— Эй, Жучка, Жучка! На-на-на!

Жучка узнала голос Рыбака. В душе её не появилось ни радости, ни страха. Она так и осталась лежать; во всём теле была какая-то слабость и тоска,

— Жучка! — Рыбак сделал несколько шагов к дому Ильиничны, остановился...

И тут вдруг, неожиданно для себя самого, он крикнул:

— Хвостик! Хвостик!

Драгоценное это слово камнем ударило в собачье сердце. Радость и сладкая печаль хлынули из него одновременно. Что-то перевернулось в Жучке, мелькнуло разом во всех её мыслях... Будто Саша подошла к Рыбаку и отдала ему поводок, на конце которого была Жучка... Нет, не Жучка звали эту собаку, а Хвостик, Хвостик! Сейчас Рыбак потянул тот невидимый ремешок. И она поползла к выходу, прочь из своего подземелья, встала на ноги и, жмурясь от яркого солнца, пошла к Рыбаку.

* * *

Так у Рыбака снова появилась собака.

Но ещё долгое время они были чужими. Хвостик помнила Сашу. День-два проходили вроде спокойно, и вдруг тоска проступала наружу. Собака начинала суетливо бегать и лаять протяжно в пустые окна Сашиного дома. Рыбак молча глядел на это и курил папиросу. Ему было обидно. «Неужели же я такой плохой хозяин? — думал он.— Ну и прогоню её к шутам, этого Хвостика... Тоже мне Хвостик!...»

Однако не прогонял. Хотя и не был ласков. Только кормил.

Так прошло недели полторы. Собака скучала, Рыбак хмурился. Сдружило их несчастье...

Рыбак уехал в большую деревню. И Хвостик снова переселилась под крыльцо к Ильиничне. После того как она вроде бы опять стала Рыбаковой собакой, Хвостик чувствовала себя поуверенней. Первая, самая горячая боль прошла. Хвостик, пожалуй, даже повеселела немного. Но в душе её копился новый ком черноты.

Как в человеческой душе, так же, я думаю, и в собачьей, лежит, лежит этот ком, словно мина с часовым механизмом... И однажды вдруг происходит взрыв. Хорошо, если всё обойдётся добром. Но часто такие моменты подстерегает беда.

Ночью, на вторые сутки после отъезда Рыбака, Хвостикку опять снилась девочка в светлом платье. Она то приближалась, то удалялась, словно её качали какие-то большие волны. А потом её стало уносить, уносить. Она крикнула: «Хвостик! Хвостик!»

Собака вскочила. Сон и настоящая жизнь на секунду перемешались в ней! И она бросилась догонять свою прекрасную хозяйку. Из-под крыльца был удобный лаз, которым она всегда пользовалась. Но сейчас — в полусне, в полуяви — она совершенно забыла об этом. Метнулась в другую сторону, проломила трухлявую доску, полезла наружу... И тут же в голову её ужалила боль. Хвостик взвизгнула, рванулась. Тотчас боль обожгла шею, туловище вдоль хребта...

Наконец Хвостикку удалось вырваться наружу. Сон улетел прочь, как испуганная стая ворон. Собака закружила на месте, завывала. А по ушам, по морде, по лохматым бокам крохотными рыжими муравьями катилась кровь...

Неизвестно, кем и когда были заколочены те два старых ржавых гвоздя. Много лет, много дождей и снегов, они торчали здесь, поджидая добычу, словно зубы змеи. И вот дождались!..

Уже к утру Хвостикку стало худо. Она потеряла много крови, но дело

было не в том. Две рваные полосы на голове и туловище затянулись нехорошей жёлтой плёнкой. Хвостик не могла дотянуться до своих ран, зализать их. Это было самое скверное. Лихая болезнь стала гулять по её телу, как по собственному дому.

К вечеру следующего дня Хвостик уже не вставала. Лапы её не слушались. Словно костыли, они валялись ни на что не годные. Да ей было и не до вставания! Она лежала на животе, вытянувшись в струнку, а едва только собиралась шевельнуться, боль стегала её вдоль спины двухвостой огненной плёткой.

Прошли ещё сутки. Под крыльцом всегда было полутемно. А в глазах у Хвостика всё темнело, темнело. Она теперь всё время была со своей прекрасной хозяйкой. Куда они шли, откуда, было непонятно. Просто они шли и шли, как бывало. И Саша часто повторяла самое хорошее своё слово: «Хвостик, Хвостик, Хвостик!»

А ещё через день всё на свете стало ей безразлично, потерялось куда-то, почернело, съёжилось. Короче говоря, собака умирала...

* * *

Такой её нашёл Рыбак.

— Жучка, Жучка! — Он вытащил её наружу, взял на руки.— Что с тобой? Кто тебя?

Собака едва дышала, ничего не чувствовала, не слышала. Но, правду сказать, сейчас это было даже к лучшему! Так думал Рыбак, промывая её раны, густо намазывая их йодом. Рыбак не очень-то много понимал в медицинской науке. Но твёрдо знал: всякая рана должна содержаться в чистоте. Вот он и старался сделать то, чего не мог Хвостиков язык. «А уж там заживёт,— думал Рыбак,— как-нибудь заживёт. На собаках быстро заживает!»

Но заживало медленно, неохотно как-то... Слишком много ушло у Хвостика сил на прошлый плохой месяц. Да и ела она кое-как.

Наконец раны её вроде бы начали потихоньку подживать, но вдруг опять загноились.

Рыбак поехал в большую деревню, купил в аптеке мази. Спросил у аптекарши:

— А собакам если — поможет? Аптекарша пожала плечами:

— Дороговато этим препаратом собак-то мазать!

— Это уж моя печаль,— сказал Рыбак.— Так поможет или нет?

Аптекарша опять пожала плечами:

— Почему же?.. Конечно, поможет. А когда Рыбак ушёл, усмехнулась:

— Чудной какой-то! Рыбак и правда казался чудным. Он быстрым шагом шёл к своему карбасу. Его вдруг окликнули:

— Толя! Далёко собрался?

— Домой.

— Да ты что? Сегодня «Спартак» играет — по телевизору...

Рыбак потоптался в нерешительности:

— Нет, не могу.

— Да ты что?.. Ну зайди хоть на минутку!

— Собака у меня там, понимаешь...

— Чего?

Но Рыбак уже спешил к своему карбасу... Ещё месяц-два назад скажи ему, что человек летит домой как угорелый из-за какой-то собаки, он бы первый засмеялся.

«Что это со мной приключилось? — улыбаясь и качая головой, думал Рыбак.— Старею, что ли?... Ну, Жучка и Жучка — ведь самая же простая собака, а жалко... Жалко!» Карбас его в это время споро бежал по гладкому вечернему озеру. И на сердце у Рыбака было тихо и хорошо...

Нет, не старел он, а добрел. То хорошее, самое золотое, что я думаю, всегда было в его душе, но только как бы спало, теперь проснулось и стало главным...

Они как будто бы вместе выздоравливали — собака и человек,

потихоньку выкарабкивались на хорошую простую дорогу счастья. Хвостик начала наконец вставать, ходить по избе. И в глазах появилась живинка... Она и есть стала хорошо — всё лучше и лучше с каждым днём.

Во время смертельной своей болезни, сквозь тяжёлый её огонь и безразличие, собака чувствовала добрые руки Рыбака и слышала своё имя — Жучка.

А другое имя отлетело, спряталось где-то — невидимое и почти неслышимое, как отдалённое эхо. И девочка в светлом платье стала незаметной в её памяти, словно бы прозрачной. К Жучке пришла новая любовь, у неё появился новый хозяин — добрый, сильный и спокойный человек. Рыбак.

Они долго-долго жили вместе. Через некоторое время переехали в большую деревню. Потом у Рыбака появилась жена и двое мальчишек. А Жучка всё жила в их доме. Сначала одна, потом вместе со своим сыном Шариком. Каждый в этой новой большой семье был ей дорог. Но с Рыбаком её связывала особая тайная ниточка, о которой знали только они двое...

* * *

Первого сентября Саша пошла в школу. Её спрашивали:

— Где ты так загорела, Саша? Она отвечала:

— На юге!

И сразу перед нею вспыхивал удивительный край, где горы и море стоят лицом к лицу, не в силах сдвинуть друг друга с места. А солнце горит ярко, словно на празднике...

В первый день отметок, конечно, не ставили, а только рассказывали, что они будут изучать в этом году. Лишь на уроке русского языка учительница сказала:

— Сейчас будем писать сочинение. Запишите название: «Как я провёл лето».

И тут Саша вспомнила деревню, огромное северное озеро, лес, избушку, собаку Хвостик и Рыбака. На одну коротенькую секунду ей захотелось рассказать обо всём этом... А Хвостикова морда вспомнилась так близко — до слез!..

— Саша, а ты почему не пишешь? — спросила учительница.

Саша встала, опустила голову.

— Садись, садись, — мягко сказала учительница. — Пиши.

Саша села, и перо её медленно поползло по бумаге.

Саша писала: «Лето я провела очень хорошо. Мы с моей мамой ездили на юг, в Крым...» Тут она подняла руку:

— А «Крым» нужно с большой буквы писать?

— С большой, с большой, — сказала учительница и потом громко: — Ребята! Все сомнительные слова можно спрашивать...

* * *

И Жучка тоже долго помнила Сашу — целую осень: сентябрь и октябрь. В начале ноября выпал снег. И всё летнее забылось.

Для младшего школьного возраста

Сергей Анатольевич Иванов

«Лето я провела хорошо...»

Рассказ

И Б № 8653

Ответственный редактор Г В. Быстрова
Художественный редактор Т. М. Токарева
Технический редактор Г Г Рыжкова
Корректор Л. А. Лазарева

Сдано в набор 01.04.86. Подписано к печати 18.09.86.
Формат 60X90/16. Бум. книжно-журн. импорт. Шрифт
литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-
отт. 3,5. Уч.-изд. л. 2,12. Тираж 900000 экз. (1-й з-д 1—
400000 экз.). Заказ № 3146. Цена 10 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М.
Черкасский пер., 1

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская
книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

К читателям

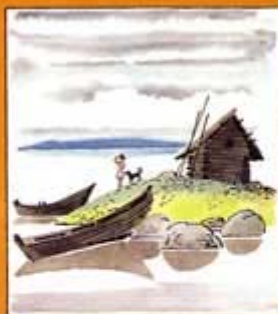
*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Иванов С. А.

И20 «Лето я провела хорошо...»: Рассказ/ Рис. Е. Мешкова. Переизд.—
М.: Дет. лит. 1986.— 46 с., ил.— (Книга за книгой). 10 к.

Рассказ о жизни девочки среди рыбаков в посёлке на Белом море.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Сергей Иванов

„ЛЕТО
Я ПРОВЕЛА
ХОРОШО...“

*Издательство
„Детская литература“*